

18+

АНДРЕЙ АКИМОВ

Хроники Центрального Континента

КНИГА 2. БЛУЖДАЮЩИЙ ОСТРОВ

Андрей АКИМОВ

**Хроники Центрального
Континента. Книга 2.
Блуждающий Остров**

«Издательские решения»

Акимов А.

Хроники Центрального Континента. Книга 2. Блуждающий Остров
/ А. Акимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839528-4

Вторая книга из серии «Хроники Центрального Континента» повествует о нашествии гигантского живого острова, против которого объединяют силы представители всех шести королевств. Прислужники Блуждающего Острова — страшные создания из темных морских глубин — осаждают города, пока неведомый титан неотвратимо надвигается на жителей континента. Одновременно с этим хозяин цирка уродов пытается вернуть к жизни любимую женщину. Он и не подозревает, какова его истинная роль в этом круговороте событий. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-839528-4

© Акимов А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Хроники Центрального Континента

Книга 2. Блуждающий Остров

Андрей Акимов

© Андрей Акимов, 2021

ISBN 978-5-4483-9528-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Небо было пасмурным и неприветливым, серая пелена туч обволокла затерявшийся над топиями Диск. Упрямая ворона тянула из влажной земли толстого растянувшегося багрового червя. По мутной поверхности топей сновали туда-сюда, словно искры потревоженного костра клопы-водомерки. Мерзкие многолапые насекомые тут и там проползали по кривым стволам вязов, обступивших маленькое селение чуть поодаль от грязных скоплений болотной жижи.

Мутно-желтые круглые глаза внимательно следили из отдаленного скопления кустов тростника за происходящими в поселке событиями...

Между хижинами находилось слишком много человеческих отродий. Слишком много. Результат всех свершенных за последнее время набегов растаял из-за возросшего в селении количества проклятых людишек. Хуже всего, что эти твари еще и имели опасные орудия. Намного опаснее, чем те, что были у большинства жителей бросивших свои жилища.

Болотник медленно подплыл ближе к берегу, распугав попрыгавших в воду жаб. К его счастью это были лишь обычные мелкие жабы, и они ни как не могли отомстить обидчику, призвав их древних сородичей – рогатых гигантов, спящих до неведомой поры в некоторых укромных болотных глубинах. Об этих непомерно громоздких и крайне опасных созданиях болотники обычно вещали друг другу приглушив тон.

Между ветхими строениями тем временем выстроилась колонна из непонятных для склада ума болотника вместительных капсул, в которые набилась основная масса человеческих вырожденцев, имевших почему-то одинаковое облачение. Все утро они суетились вокруг этих своих умеющих парить в воздухе коконов, к которым были наглухо прикреплены железными продолговатыми конструкциями нервно топчущиеся на месте рептилии.

Когда все людишки забились в свои летающие гнезда, на улице осталось лишь двое. Один из них был представителем единственного оставшегося в селении человеческого семейства, тот, кого болотники выслеживали в последнее время почти круглосуточно (он был самым бдительным и непреклонным из всех, кто здесь когда-то обитал). Вторым, видимо, являлся вожаком стаи ряженой в одинаковые тряпки. Он был облачен в облегающие тело железки, а сзади зачем-то прикрепил кусок ткани цвета безоблачного неба с какими-то остроугольными фигурами.

Похоже было, что внезапно нагрянувшие в опустевший поселок отродья, наконец, собирались покинуть территорию. Вожак с аккуратной небольшой седой бородкой подошел к селянину с всклокоченной темной бородой и вручил тому оружие, что стреляло острыми палками. У оставшегося поселенца уже было такое оружие, как и у многих живших здесь до недавней поры людишек. Так же у него имелся длинный широкий и острый кусок металла с рукоятью, всегда висевший на его поясе. Многие болотники из племени получили серьезные, а в некоторых случаях даже смертельные ранения от этих человеческих орудий.

У подаренного оружия было целых три ствола вместо одного, что делало этот предмет в глазах болотника как минимум втрое опаснее. Человек, получивший подарок, довольно осмотрел его и выстрелил куда-то ввысь. Через миг недалеко от людей на землю упала пронзенная насквозь металлическим колом ворона. Собеседники обменялись еще несколькими фразами, после чего закованный в металл человек исчез в одной из кабин, и транспортная колонна двинулась прочь из селения.

Оставшийся житель без труда отыскал упавший неподалеку снаряд и вставил в пустое дуло, после чего еще долго махал рукой уже скрывшимся за зарослями кабинам. Затем он направился к хижине, откуда беспрестанно доносился надрывный крик человеческого детеныша.

– Смотри, какой! – мужчина показал трехствольный коломет жене, возбужденно ворвавшись в дом. – Сам король подарил! Эх, видели бы все эти сбежавшие трусы!

– Годрик, – обратилась женщина к мужу, качая люльку с плачущим малышом, – может и нам все же стоит переехать? Ведь еще не поздно. А твое новое оружие защитит нас в пути.

Лицо мужчины превратилось из самодовольного в суровое, даже гневное.

– Бежать? – процедил он сквозь зубы, пристально глядя жене в глаза. – Ни кто и ни что не заставит меня бежать отсюда! Вязова Роцца была и останется нашим домом!

– Но наш сын...

– Мой сын не вырастет трусом, как все эти наложившие в штаны позорные беглецы! Мы восстановим здесь порядок! Я восстановлю порядок! Сам король благословил меня, вручив это оружие! Теперь мы в полной безопасности, Ирма. Верь мне!

Ирма, конечно, всегда старалась верить мужу, но начинала замечать, что его глаза становятся все более безумными с каждым днем. Она пыталась оправдать его в своих мыслях, ведь Годрик всегда был мужчиной не из робкого десятка, за это, в конце концов, она и полюбила его. Однако с каждым прожитым в брошенном поселении днем ей становилось все сложнее придумывать оправдания его нездоровому упрямству. Здравая часть ее рассудка отчаянно хотела бежать из Вязовой Роцци, а преданная ее половина обязывала слушаться мужа.

Он – глава семьи – знает, что делает...

Годрик Матис подпер дверь прочным брусом и выглянул в окно, внимательно оглядев окрестности дома. Он так же просмотрел местность из противоположного окна, но так и не обнаружил в пределах видимости болотных тварей. Сегодня его это даже огорчило. Теперь ему не терпелось показать скользким мерзавцам, что им принесет постоянное соседство с ним! Тем не менее, ставни он все же везде закрыл.

В течение следующего часа Годрик так и не смог найти себе какого-либо вразумительного занятия. Все мысли были о новом оружии, заботливо уложенном на лежанке рядом с задремавшим в люльке ребенком. Ирма укачала малыша и теперь пыталась состряпать какую-то похлебку, смиренно хлопоча в отведенной для этого комнате. Но даже аппетитный запах овощного бульона был не в силах сдержать порыва взбудораженного мужчины.

В конце концов, Матис решительно направился к подаренному коломету, взял его в руки и взглянул на мирно спящего крошку сына.

– Мы с тобой выживем этих тварей отсюда, сынок, – уверенно сказал он дремлющему малышу.

Ирма услышала стук двери и выбежала в переднюю. Мужа не было, дверь была не подперта брусом. От шума проснулся ребенок и затынул недовольный плач.

Годрик миновал крайние постройки Вязовой Роцци и приближался к мутным, тинистым топям. Вязы остались позади, сменившись низкорослыми ивами. Отовсюду слышалось кваканье жаб, и комариный писк приумножался в несколько раз с каждым шагом. Матис передвигался осторожно на полусогнутых ногах. Три блестящих дула с торчащими остриями заряженных кольев перемещались в разные стороны, Годрик реагировал на каждый подозрительный звук. Вспорхнувшие откуда-то из кустов кулики словно попытались сбить его с толку, но их затея провалилась.

– Ну, где же вы все, а? – возбужденно спросил мужчина, стоя по щиколотку в осоке, у самого края расползающейся дальше во все стороны грязно-зеленой жижи. – Попрытались, скользкие твари?!

Матис начал заходить прямо в болото. Его палец напряженно поглаживал все три спусковых крючка. Совсем недалеко справа раздался булькающий звук, после которого по поверхности болота в стороны пошли небольшие круглые волны. Мужчина незамедлительно послал в центр расходящихся кругов сразу два снаряда. Коля почти беззвучно скрылись в тине. Видимого результата выстрелы не дали.

– Выходите, трусливые чучела! Или вы только по ночам такие смельчаки?

Словно в ответ на его вызов сразу в нескольких местах между мелкими островками суши вынырнули омерзительные головы болотников. Пятясь назад к берегу, Годрик послал последний стальной кол в ближайшего противника, но тот успел быстро погрузиться в воду и остался цел. Попытавшись перезарядить коломет, Матис испытал мощнейшее потрясение. Деревянные колья, мешок которых он прихватил с собой, были выструганы им для его старого коломета и по диаметру не подходили к дулам нового. Этот досадный просчет вышел в связи с перевозбужденностью и нетерпением, которые овладели Матисом и застлали его разум.

Страх окатил его ледяной волной, разбежавшись от сжавшегося сердца по всему телу. Теперь выход был один: бежать. Но отступая из топи, мужчина зацепился ногой за торчащий из дна корень и повалился назад. Он ушел под воду целиком, раскидав в стороны несколько кувшинок, но быстро вынырнул обратно. К этому моменту возле него уже очутились сразу трое болотников. Три пары округлых, сильно выпирающих из глазниц мутно-желтых глаз жадно смотрели на восстающего из тины, облепленного рясой человека. Длинные рты без губ, словно кривились в насмешках. Ряды небольших, но многочисленных, часто растущих острых зубов беспрестанно смыкались с клацающим звуком. Длинные руки с тонкими, скользкими пальцами тянулись к паникующему мужчине.

Годрик понял слишком поздно, что на этот раз он чересчур преувеличил в своем сознании собственные возможности. Из-за падения он не успел выхватить свой верный мечете, а теперь для этого уже не было возможности. Один из болотников кинулся ему на левое плечо и вгрызся в его основание рядом с шеей. Багровые подтеки тут же поползли по мокрой одежде мужчины. Матис закричал и попытался сбросить болотника другой рукой, но за нее уже ухватился второй обитатель топей и принялся тянуть Годрика на глубину. Человек пытался вынуть из воды ногу, чтобы пнуть кого-либо из тварей, но вязкая тина предательски сковывала движения.

Через несколько мгновений, надрываясь от крика, Матис завалился на правый бок. Его левую руку отгрыз и со второй неуклюжей попытки вырвал из туловища первый атакующий болотник, тут же скрывшись с добытой конечностью под водой. Двое оставшихся помогли повалившемуся изуродованному человеку с кровоточащей раной захлебнуться зловонной мутной жижей.

Наконец-то! Наконец-то человеческое отродье, приносящее столько проблем, сгинуло! Пока стая будет делить его мясо, нужно уничтожить его самку и отпрыска!

Болотник, чуть превосходящий размерами остальных особей своего вида, устремился к жилищу убитого человека. Истребление самки не должно было стать хлопотным делом, а уж про детеныша и вовсе можно было забыть. Сдохнет сам. Мяса в нем все равно практически нет, хотя...

Болотник ворвался через переднюю дверь. Его мышление позволяло сознательно применить эффект неожиданности. Он не ожидал, что человеческая самка сможет оказать столь отчаянное сопротивление. Однако отбивалась она не умело и совсем не долго. Кровь из ее разорванной шеи брызнула на люльку с надрывно кричащим внутри младенцем. Но внимание болотника привлек совсем иной звук, донесшийся снаружи из селения.

Существо с окровавленными руками и челюстями выглянуло сквозь щель ветхих ставней в окно. В поселок возвращались несколько одинаково наряженных людишек с грозными орудиями. Складывалась крайне неудачная ситуация. Мясо самки быстро уже не унести...

Остается отпрыск. Но есть ли смысл тащить его в стаю? Там уже имелась целая туша его отца, мяса которого хватит на всех на некоторое время. Посомневавшись еще несколько мгновений, болотник принял решение.

Окрашенные алым длинные пальцы потянулись к кричащему в люльке малышу. Капли крови его матери капнули на покрасневшее от плача лицо.

Глава 1

Минуло шестнадцать лет с того момента, как вожак стаи болотников унес с собой малыша из Вязовой Рощи. Малыш непостижимым образом остался жив и вырос среди обитателей топей, влившись в стаю. Соорт – вожак болотников – лично выходил маленького человека и присвоил ему кличку Скрит (что означало на языке болотников «нежданный»). На протяжении шестнадцати лет Соорт и его община не покидали окрестностей Вязовой Рощи. Его стая питалась в основном водившимся в окрестностях зверьем. Рацион болотников состоял преимущественно из выдр, ондатр, уток, цапель и нередко даже зазевавшихся лосей. А порой удавалось полакомиться и заблудшими в брошенное заросшее высокой травой селение одиночными путниками, ищущими секретный проход в близлежащих горах.

Скрит обычно занимался разведкой и выслеживанием потенциальной пищи. Эту задачу раз и навсегда закрепил за ним вожак. За шестнадцать лет Скрит научился быть быстрым, ловким и бесшумным, словно призрак болотной водомерки. Ни кто из редющей стаи не имел подобных навыков, которые у человека со временем становились все выше. Скрит мог целыми днями сидеть в засаде, изучая местность и повадки добычи, чтобы потом одним выверенным прыжком свалить и обездвигить объект выслеживания.

Строение тела Скрита давало ему возможность значительно проще его соплеменников взбираться на деревья и валуны. Так же он осознавал, что на твердой поверхности может развить невероятную скорость бега по сравнению с любым из членов стаи. Однако, наравне с этими немногочисленными (как ему казалось) плюсами, Скрит видел в своем образе много больше недостатков. Его немногочисленные зубы были не такими острыми, как у остальных. Кожа была не достаточно гладкой, а появившийся с годами волосяной покров ощутимо замедлял скорость передвижения под водой. Волосы на голове и вовсе отрастали непомерно быстро, и приходилось постоянно срезать их заостренными костями или камнями. Небо было не таким грубым и постоянно кровоточило от попадающихся в еду острых костей.

Множество подобных мелочей разочаровывало Скрита, но самым горьким изъяном считалась им невозможность длительного пребывания под водой. У Скрита, в отличие от приютивших его болотников отсутствовали жабры. По этой незаурядной причине человеческий отпрыск так и не смог слиться с болотниками воедино, хотя язык и повадки перенял у этого вида практически целиком и полностью. Зная о его главном недостатке остальные болотники, порой намеренно засиживались на глубине, чтобы решить какой-либо вопрос, либо поделить лакомый кусок пищи без него.

У человеческого детеныша была своя небольшая нора, где он спал и переживал суровые зимы. Болотники проводили периоды лютых холодов под коркой затягивающего болото льда, оставляя себе прорубь для редких вылазок. Скрит в зимнюю пору кутался в своей норе в звериные шкуры, оставляемые вожаком специально для этой цели. Таким способом совсем маленького его удавалось сберечь от смертельных обморожений.

Соорт, беря во внимание сухопутный образ жизни человеческого детеныша, рассудил, что для Скрита роль ищейки будет являться наилучшим вариантом. Скрит не оспаривал назначения вожака. Напротив, юному человеку нравилось выслеживать и обезвреживать жертв, чтобы его соплеменники впоследствии рвали и делили между членами всей стаи добытую плоть. Процесс дележки не доверяли молодому разведчику, потому Скрит почти всегда наблюдал со стороны, как его соплеменники расчленяли добычу с характерным хрустом костей и звуками рвущихся мышц, сухожилий и ткани. Да и не рвался он к этому дикому действию, не любил его на некоем подсознательном уровне.

По сути, он являлся основным добытчиком всего съестного в последние несколько лет. Соорт, видя, что человеческий детеныш вполне способен находить необходимое количество

еды, уже слишком долго не уводил стаю к какому-либо другому, заполненному добычей селению. Помимо длительных поисков подходящего нового болота, Соорт не хотел и лишнего соседства с потенциально опасным видом существ, который являлся к его горю и самым лакомым видом пищи. Скрита он, по сути, оставил в живых лишь для того, чтобы проследить за развитием человеческой особи, вызнать о ее изъянах и преимуществах, а впоследствии каким-либо образом использовать против его же сородичей.

Со временем, поняв, что Скрит воспринимает их стаю, как свою родню, и приносит ощутимо больше пользы, чем кто-либо другой, вожак так же пропитался некой привязанностью к прирученному существу. Несколько попыток соплеменников восстать против присутствия человеческого существа в стае он подавил в корне, хотя и прекрасно понимал, что человек в первую очередь – враг, истребляющий его собственный вид, а так же редкостный за последние годы деликатес.

Однако даже без смертоносного вмешательства людского рода стая все равно редела. Болотники начинали терять остатки разума, прижившись в одном ареале, лишившись кочевого образа жизни. Нередкими стали случаи смертельных исходов в участвовавших схватках за еду, либо просто неверную дележку. В результате обезумевшие самцы, которых в стае всегда было в разы больше, перебили последних самок. Так же болотники начали утрачивать осмотрительность и гибли от разнородных, в основном глупейших причин, выбираясь в открытую на ближайший тракт между скал.

Все это с возрастом все больше удивляло Скрита. Он ощущал, что члены его стаи стремительно деградируют, в то время как он сам постигает все новые и удивительно полезные истины, а так же развивает свою подвижность и выносливость. Его человеческого склада ума хватало, чтобы держать свои догадки и выводы в тайне и молчаливо сосуществовать в качестве терпеливого созидателя вблизи разлагающегося коллектива.

Ситуация стаи всерьез взволновала вожака, когда численность болотников сократилась до полутора десятка особей, включая в это число человеческого отпрыска. От прежней численности осталось меньше одной трети. Потомства ждать было не откуда, оплодотворять не кого. Соорту пришлось принять решение покинуть окрестности Вязовой Роши и начать-таки поиски какого-либо хоть невзрачного и небольшого селения вблизи болот. Затяжное перемещение и грядущая фаза длительной охоты на ходу, должны были встряхнуть оставшихся в живых болотников. В случае же неудачных поисков значительно уменьшившаяся стая имела риск полностью исчезнуть с лица Центрального Континента. Соорт знал, что их стая не была единственной в мире, однако с уверенностью утверждать, что остальных болотников не постигла какая-нибудь еще худшая участь, все же не мог. Слишком долго он просидел на одном месте.

В одно прекрасное весеннее утро, когда Диск так и не сумел выбраться из-за обложивших небо бронзовых туч, и лил холодный проливной дождь, стая выдвинулась в путь. Под каменным грохотом грома и вспышками широких полос молний полтора десятка тощих неказистых существ неуклюже пробирались сквозь заросли и буреломы находящиеся между скал. Хотя в такую погоду было маловероятно встретить представителей человеческой стаи, все же Соорт держал своих спутников подальше от немногочисленных широких людских троп, проходя по ним лишь в тех случаях, когда иного пути не существовало.

Скрит двигался чуть впереди соплеменников, как обычно, осуществляя разведку. Он прислушивался к земле, вглядывался в отдаленные скопления растительности и прислушивался к всевозможным запахам, которые играли немаловажную роль в условиях плохой видимости (соплеменники, как он давно успел заметить, не умели пользоваться органом обоняния с такой практичностью и эффективностью). Хлещущий дождь никогда не был помехой для юного человека. Шум льющей с неба воды, ее запах, температура не мешали Скриту ориентироваться и выискивать признаки постороннего присутствия.

В горном краю дожди шли часто, они являлись неотъемлемой частью этого места, название которого Скрит не знал. Более того, он даже никогда не задумывался о том, что у этой скалистой местности может быть какое-то там название. И уж тем более юный человек, выросший среди болотников, ни как не мог знать о том, что он путешествует по землям королевства, у которого есть владелец и целый ворох всяких правил, за несоблюдения которых этот владелец мог карать всех проживающих на его территории. Потому Скрит просто вел своих соплеменников вглубь неведомого чуждого ему мира, где каждый камень или дерево, будучи в сущности такими же, как в окрестностях Вязовой Роши, все же открывали для него какие-то новшества и пробуждали ощущение трепетного интереса первопроходца.

Через сутки пути погода только ухудшилась. Ливень хлестал так, будто норовил вбить нерасторопных и плохо организованных путников в землю. В некоторых местах в почве начали образовываться небольшие болотца, которые, хотя и были совершенно непригодны для обитания, но все же выглядели заманчиво. Местами с гор сползли бурые грязные сели, затянув некоторые участки трактов. Впрочем, для болотников это не означало появления каких-либо затруднений для дальнейшего пути.

А вот для остановившейся на привал небольшой группы людей непогодой путешествие явно осквернилось в немалой степени. Движущийся впереди своей стаи Скрит обнаружил нескольких подобных себе существ на второй день пути. Четыре человека обосновались на узкой поляне посреди небольшой расщелины. Они сидели у маленького пламени костра, укрытого от дождя растянутым на палках куском какого-то плотного непромокаемого материала.

Скрит некоторое время неподвижно наблюдал за четверкой ряженой в однотипные тряпки. Он не мог знать, что под строгими серыми мундирами, сделавшимися от дождя темнее, чем были на самом деле, на солдатах Монтина были надеты легкие кольчуги, способные запросто выдержать его укус. Не знал он и о том, что причудливые округлые шлемы представителей горного королевства способны были уберечь своих носителей от поражения камнем и даже от атаки небольшой древесной дубиной. Солдаты на его веку появлялись в мертвом поселке всего пару раз, и оба этих раза Соорт запрещал охоту на этот вид людей. О чем же Скрит знал наверняка, так это о смертоносности прикрепленных за спинами людей острых металлических полос с деревянными ручками и плюющихся железными жалами устройств, которые у каждого из людей находились под рукой.

Солдаты у костра о чем-то негромко переговаривались между собой на своем излишне многозвучном языке. Они наверняка считали, что почти не производят лишнего шума, однако если бы Скрит владел человеческой манерой изъяснения, уже давно распознал бы каждое слово, чтобы передать своему вожаку. Ныне же он мог только просигнализировать своей приближающейся стае, остановиться.

Болотники ждали его, застыв под дождем среди окаменелых деревьев, словно обтекаемые гротескные статуи вымазанные жиром. Когда разведчик явился, Соорт потребовал доложить о причине остановки свойственными ему высокими гортанными звуками. Скрит изложил точно таким же способом вожаку о находящихся в расщелине людях. Услышавшие про солдат соплеменники мгновенно оживились, в выпученных мутно-желтых глазах заиграла жажда крови. За все время пути им не попало ни одно животное, все звери попрятались в свои тайные убежища от непогоды. Голод, мучавший путешествующую стаю брал верх над инстинктом самосохранения.

В иной ситуации Соорт не позволил бы своим подопечным атаковать вооруженных человеческих отродий, но сейчас вожак, изможденный голодом не менее своих соплеменников решил допустить нападение. Замысел Соорта заключался в том, чтобы переждать ночь и напасть на ослабленных людишек ранним утром перед рассветом. Скрит должен был неотрывно следить за противниками и просигнализировать, когда они станут наиболее уязвимы.

Дождь кончился немногим позже полуночи.

Молодой человек, своей комплекцией мало отличающийся от тощих болотников, с ног до головы вымазанный грязью, всю ночь просидел неподвижно среди выступающих из земли извилистых корней невысокого дерева вблизи лагеря солдат. Он терпеливо дождался, пока смолкли непонятные ему разговоры, и двое людей уснули, другие же двое остались бодрствовать. Дождался он и того, что один из часовых тоже задремал, а второй начал клевать носом.

В этот момент Скриту в голову пришла догадка отнюдь не принадлежащая примитивному разуму болотника: в ближайший миг последний бодрствующий человек мог разбудить вторую смену для караула, и тогда подходящего момента для атаки стаи может и вовсе не подвернуться. Если проснутся двое других солдат, они точно не уснут до самого рассвета. Внезапно открывшаяся истина побудила Скриту незамедлительно подать сигнал ожидающим соплеменникам.

Свиста, похожего на один из ночных птичьих голосов, бодрствующий солдат, скорее всего не различил, либо и не задумывался о том, что он мог являться чьим-то сигналом для атаки. Болотники выскочили из-за низких кустов перед поляной в расщелине одновременно и стремительно помчались к безмятежно дремлющим людям. Тающие сумерки с переменным успехом пытались укрыть нападающих существ. Обитателей топей было ровно вдвое больше, чем людей на поляне. Основная задача заключалась в том, чтобы быстро и неслышно умертвить и утащить не успевшего погрузиться в основательный сон караульщика.

Но спешка и неосмотрительность сыграли с ними злую шутку. Ширина расщелины не позволяла всем скопом сразу наброситься на добычу. Максимум плечо в плечо между отвесными стенами могли двигаться лишь пятеро болотников. Потому ими было решено атаковать двумя четверками одна за другой. До поляны было всего около пяти десятков шагов, которые можно было преодолеть за считанные мгновения. Но болотникам не посчастливилось.

Так и не задремавший солдат резко вскинул голову и выкрикнул что-то, толкая близлежащего человека и, одновременно, скидывая свое оружие с острыми металлическими штыками. После трех звонких щелчков колья поочередно свистнули, вырываясь из дул его орудия. Двоих подступающих болотников стальные жала мгновенно сшибли с ног, нанеся смертельные ранения, одному в шею, другому в живот. Оба отлетели назад, падая на мокрую землю. Третьему, нападавшему в переднем ряду, кол прошел насквозь бедро. Бедолага повалился кубарем на всем ходу, не добравшись до цели, и теперь издавал шипящие и скулящие звуки, извиваясь в хлюпающей слякоти.

В этот же момент уже второй, подскочивший с земли солдат, вскинул свой коломет и выпустил в сторону атакующих все три кола разом. Но его выстрелы не пришлись ни по одной из надвигающихся целей. Едва вырвавшись из сна, солдат оказался не способен на четкие и точные действия. Однако его выстрелы заставили болотников замедлить бег и прижаться к земле. Выигранных секунд людям хватило, чтобы растолкать оставшихся спящих товарищей. Пробудившись, они спешно схватились за стрелковое оружие, в то время как их соратники уже вытягивали из-за спин мечи.

Единственный уцелевший болотник из первой четверки набросился на ближайшего солдата и налетел прямо на вовремя выставленное лезвие, обвиснув на нем и испустив дух. Солдаты оказались отнюдь не простофилями, нацепившими мундиры для пушного статного вида. Вторая четверка болотников не успела подобраться даже к трупам своих сородичей. Два человека прицельно выстрелили по двум крайним тварям, сразу же сразив их насмерть, третий метнул свой меч в одного из оставшихся болотников. Лезвие мягко вошло в грудь обитателя топей.

Последний из жителей болот остановился в смятении, увидев столь быстрый провал всего замысла, и даже попытался броситься бежать обратно к зарослям, но стряхнувший к этому моменту со своего меча труп его сородича солдат несколькими проворными шагами сократил дистанцию до уцелевшего. Резкий взмах меча на бегу, и голова последнего болотника соско-

чила с плеч, упав неподалеку в грязь перекошенной грязной мордой вверх. Обезглавленное тело повалилось в сторону, куда стремилось убежать. Раненный в бедро извивающийся в грязи болотник был добит в упор выстрелом в голову, после чего люди невозмутимо извлекли свои снаряды из тел поверженных тварей.

Наблюдавший за всем недолгим действием замаскировавшийся в узоре корней Скрит почувствовал приступ необъяснимого чувства. К его горлу будто подкатил какой-то упругий ком, в груди и голове что-то отчаянно задергалось, затуманивая видимость в глазах. Он все еще смотрел, как двое солдат вглядывались в темноту, направляя свои перезаряженные орудия прямо в его сторону. Но они его не видели, иначе уже прибили бы этими страшными жалами к толстым корням, среди которых он застыл. При мысли о приближающемся страшном финале Скрит почувствовал, как по его ногам предательски потекла теплая жидкость, частично смывающая грязевой покров.

Молодой соплеменник болотников так и не посмел позволить себе пошевелиться, пока двое из четверых солдат не принялись сворачивать подстилки. Другие двое нашли себе более увлекательное занятие: они принялись пинать друг другу отсеченную голову болотника, о чем-то переговариваясь и смеясь. Выбрав удачный момент, Скрит ползком покинул свое укрытие, быстро направившись к оставшимся членам стаи. Он нашел их в условленном месте и изложил гортанными возгласами фатальный результат попытки добыть пищу. Соорт воспринял доклад юного человека, глядя выпученными немигающими глазами в пустоту. После этого он издал лишь один звук, означающий, что поход должен непременно возобновиться.

Оставшиеся шестеро болотников и Скрит обогнули стоянку людей в солдатской амуниции огромным крюком. Они шли неведомо куда, вконец озверевшие от голода. Соорт больше не издал ни единого звука, пока после очередных суток пути, еле плетущийся среди зарослей орешника, как и все остальные, он не услышал сигнал идущего где-то впереди Скрита.

Молодой представитель человеческой расы подавал сигнал выращившим его созданиям. Скрит сидел на невысоком дереве, с которого перед ним открывался вид на раскинувшееся впереди под кронами редко растущего смешанного сосново-березового леса болото. Даже с этого, довольно приличного расстояния он слышал шелест осоки, криканье уток и кваканье лягушек.

Через некоторое время все вместе они ступили на территорию новых, не тронутых другими сознательными существами топей. Знакомый запах гниющей тины, вездесущие мхи, кустарники клюквы, вереска и голубики, назойливые комары и снующие по редким гладям воды клопы-водомерки не могли не обрадовать измотанных долгой дорогой существ. Но важнейшей поистине доброй вестью послужило заявление Скрита о том, что порывистый весенний ветер доносит до его нюха едва уловимые запахи жареного мяса, шерсти и свежей воды.

Где-то неподалеку находилось человеческое поселение.

Молчавший все это время вожаком стаи несколькими жестами и возгласами велел оставшимся соплеменникам рассредоточиться по территории в поисках любого вида животной пищи. Скриту же он велел остаться с ним наедине. Молодой человек покорно стоял перед вожаком, который лишь теперь решил отчитать разведчика за гибель восьмерых членов племени. Соорт отчаянно жестикулировал и издавал ужасные звуки, негодуя о несвоевременности момента атаки на тех четверых человеческих отродий.

Скрит еще ни разу за свою жизнь не видел вожака в таком возбужденном и гневном состоянии. Ругань была однообразной и немногосложной, но повторялась вожаком раз за разом по кругу, что казалось Скриту не слишком эффективным и не очень разумным приемом. При этом молодой человек вдруг начал ясно осознавать, что как бы Соорт ни распинался перед ним своей раскаленной бранью, никакого реального физического наказания за ней не следовало и последовать не могло. Яростный спектакль специально был устроен без присутствия остальных, чтобы не отмечать проступок карающими мерами.

Да, Скрит, совершил ошибку, и то, едва ли? Ведь неизвестно, чем закончилось бы их предприятие, если бы часовые сменились. Однако теперь дело было даже не в этих проклятых солдатах и не в гибели восьмерых болотников от их мерзких рук, но в том, что даже если это и была прямая вина Скрита, вожак не мог подвергнуть самого необходимого и умелого разведчика и охотника какому-либо суровому наказанию. Скрит был незаменим, и теперь уже он сам прекрасно осознавал этот факт, глядя на брызгающего зловонной слюной Соорта, ежесекундно скалящего многочисленные мелкие острые зубы в очередном наборе бранных возгласов.

И если бы гордыня, присущая, лишь человеческому складу ума, не затуманила в этот растянувшийся момент его сознание, возможно, Скрит и услышал бы по своему обыкновению самым первым, что атмосфера на болоте странным образом изменилась. Все стихло. Не кричали на деревьях птицы, не квакали лягушки, казалось, что даже перестали пищать вездесущие комары. Тишину нарушали лишь звуки голоса вожака болотников, все еще яростно выплескивающего на молодого человека свои заикленные негодования.

Все произошло настолько внезапно, что Скрит сперва даже не сумел ничего понять. Неожиданно что-то большое с шумом вырвалось справа из мутной, заросшей зеленью воды и пронеслось по дуге перед Скритом, побудив его резко отпрянуть назад и рефлекторно прикрыть лицо руками. После того, как гигантское существо обрушилось в грязную жижу слева, от Соорта остался лишь кровотокающий нижний фрагмент туловища на подкашивающихся ногах. Расплескивая внутренности, остаток тела вожака повалился и погряз в болотной воде. А рядом с обеих сторон, всего в каких-то десяти шагах расползались огромные круги волн от нырнувшего и скрывшегося вновь существа.

Скрит не сразу сообразил, что делать. Несколько мгновений он недвижимо пялился на всплывшие фрагменты органов вожака их стаи. Затем он услышал дикие вопли оставшихся в живых болотников, рассредоточившихся по площади топей по приказу только что погибшего Соорта. Из отрывков возгласов, приносящихся с разных сторон, человек понял, что стая угодила в логово пробудившейся от спячки гигантской рогатой жабы. Он слышал о таких от вожака несколько раз в жизни, но видеть ему не приходилось такую жабу ни разу. И именно Соорт своей гибелью наглядно продемонстрировал Скриту, что это были далеко не выдумки.

Первое и единственное, что пришло ему в голову – немедленно убраться из болота. Он прыгнул на ствол ближайшей березы с такой проворностью, будто стоял в раскаленной лаве, и принялся карабкаться вверх по изогнутому стволу. Теперь до него начали доноситься звуки громких всплесков воды и душераздирающие предсмертные крики блуждавших по неосвоенной территории соплеменников.

И снова неопишное ощущение ничтожности и беспомощности обдало Скрит с ног до головы. Тело непроизвольно тряслось при каждом крупном, шумном всплеске и очередном захлебывающемся болью и болотной жижей вопле. И вдруг в какой-то момент Скрит понял, что кричать больше некому. Явившаяся тварь настигла каждого, кто блуждал по ее территории. Остался только он...

Находясь почти у самой верхушке дерева, Скрит непрерывно озирался по сторонам. Каждое его движение было пропитано дичайшим страхом и напряженностью. Да, он был представителем человеческой расы, и сейчас ненавидел себя за это больше, чем когда-либо. Какие-то нелепые людские эмоции не давали ему мыслить и действовать рационально.

Между тем в десятке шагов от ствола дерева, на котором он сидел, на поверхности воды начали вздыматься крупные пузыри. Гигантское создание, будто издеваясь над последней жертвой, поднялось из мутной жижи медленно и неторопливо. Оно начало восходить на тонкую полосу суши, откуда произрастала береза – не самое надежное в подобной ситуации убежище молодого человека. Размер этой уродливой жабы был с крупного быка. По кромке деформированной головы жабы выпирали многочисленные роговые отростки. По краям огромной

пасти с несколькими рядами исключительно клыков торчали по два длинных бивня. С лоснящейся, осклизлой серо-зеленой кожи стекала жидкая грязь.

Гигантская жаба могла передвигаться не только прыжками. Сейчас она подходила к стволу дерева, словно охотящаяся рысь. Два круглых мутно-белых глаза устремили взгляд на дрожащего на верхушке дерева человека. Жаба неспеша задрала голову вверх и начала раскрывать свою огромную пасть. Скрит не успел даже вскрикнуть, как выстреливший длинный язык жабы в считанные мгновения обвил его ногу и принялся тянуть с дерева вниз.

Теперь юный представитель павшего племени орал так, что испугался собственного крика. Он судорожно дергался и впивался в гнущуюся основу верхушки дерева пальцами, ломая свои длинные ногти, но огромная тварь была мощнее. Длинный язык стягивал перепачканного грязью юношу к издающей громкие чавкающие звуки жабе. Скрит решился на последнюю попытку освободиться от захвата. Выгнувшись невероятным образом и перехватившись руками за нижние ветви, он вгрызся зубами в смрадный соленый слизистый язык.

И это помогло. Жаба ослабила хватку и быстро заглотнула свой раненный длинный орган. Скрит тут же поддался очередной отчаянной идее. Он, что было сил, оттолкнулся, отпружинив от распрямившейся верхней части березы, и перескочил на соседнее дерево, стоящее неподалеку. Чудом, не свалившись с него, но хорошенько ободрав руки, ноги и грудь, Скрит все же взобрался чуть выше. Он решил вновь проделать подобный трюк, и таким образом добраться до твердой почвы, где появится возможность бежать с большой скоростью.

Но второй прыжок был обречен на неудачу. Не долетев до прочных ветвей и ободравшись о множество мелких и хлестких веточек, Скрит рухнул в вязкое скопление тины под кроной покачивавшегося, словно потешающегося над ним дерева. Юноша принялся отчаянно барахтаться и довольно быстро выбрался из сковывавшей движения густой тины. Распрямившись, он почувствовал под ногами дно и, не раздумывая, заторопился прочь от жабы, на которую даже не рискнул оглянуться. Он спешил в сторону твердой суши, отмеченной порослью прямостоячей осоки.

К счастью, Скриту приходилось за все время существования на болотах частенько передвигаться подобным образом. Потому он довольно быстро сокращал расстояние до видимого участка твердой земли, ловко передвигаясь по островкам, едва внушающим доверие. Однако сзади стали раздаваться и приближаться мощные всплески и громкие чавкающие звуки. Гигантская жаба не желала отпускать вторгшегося на ее территорию наглеца безнаказанным.

Когда Скрит ступил-таки на твердую почву, он почувствовал, как его чуть чиркнул по спине один из бивней возле пасти жабы. Спину обдало брызгами с прибрежной рясой и грязью. Тварь в очередном прыжке приземлилась прямо за его спиной. Осознание этого придало юноше фантастического заряда сил. Он пустился бежать с такой скоростью, какую не развивал, похоже еще никогда в своей жизни. Он перескакивал через камни, торчащие из земли корни и поваленные стволы деревьев с прыткостью тигра, спасающегося от толпы зажимающих его охотников.

Однако юноша все еще слышал прыжки неутомимой твари. В какой-то момент он даже оглянулся назад и увидел тяжелые перескоки громоздкого создания. Жаба не сдавалась и упорно пыталась сократить расстояние между собой и бегущей жертвой. Но это было уже не возможно. Скрит, хотя и дышал уже совсем не ровно, скорость старался не сбавлять. А через некоторое время, обогнув поросший мелким кустарником отрог возвысившейся рядом горы, он неожиданно выбежал к высокому ровному частоколу, окружающему людское селение, то самое, запахи которого приносил на болото ветер.

Скрит помчался вдоль бревенчатой стены, а затем в сторону от нее и подальше от поселка. Коротко обернувшись назад, он увидел, как гигантская рогатая жаба выскочила из-за отрога к частоколу и принялась пытаться сокрушить его своими бивнями. Еще через какое-

то время до его слуха донеслись отдаленные возгласы и вопли людей. Только после этого Скрит сбавил скорость и еще через какое-то время перешел на шаг. Теперь гигантской твари было чем заняться вместо того, чтобы гнаться за ним.

Глава 2

Душное помещение изобиловало запахами множества пряностей, мешающихся с ароматным дымом от кальянов и едким запахом пота. У длинной глухой стены рядом расположились усевшиеся на шерстяных подстилках музыканты. Они исполняли на флейтах и бочкообразных ударных инструментах негромкую монотонную композицию, у которой не было, ни начала, ни конца. За несколькими низкими столиками шли вдумчивые поединки на досках с фишками, которые соперники переставляли в зависимости от значений, выпадающих на периодически гремящих о дерево игральных костях.

Типичную атмосферу вечера в забегаловке под названием Песчаные Воды дополняли смуглокожие завсегдатаи, пасущиеся у стойки и ведущие негромкие, но красноречивые по меркам местной пьяни беседы. Женщин в таверне было не много. В основном они сидели со своими спутниками, увлеченными игрой, либо светскими разговорами. В песчаном королевстве считалось, что открытые и вызывающие наряды являются прямым признаком вульгарности и распутства, потому женщины, пребывающие в компании кавалеров были одеты в однотонные длинные платья, не оставляющие постороннему взгляду ни единого фрагмента оголенной кожи. Головы женщин непременно были покрыты расписными платками, которые как раз и указывали на статус спутниц состоятельных, либо не очень состоятельных господ.

Алайла не носила роскошных платков, хотя ей неоднократно дарили их то и дело появляющиеся воздыхатели. Ей не нравилось скрывать свои прямые волосы длиной до плеч несвойственного для южанок пепельно-белого цвета. Так же она прекрасно понимала, что практически любой мужчина, будь у него хоть по пять жен и любовниц, непременно будет обращать внимание на обладательниц притягательных форм, таковы уж они, самцы. А свои формы она без ложной скромности оценивала как манящие и аппетитные и была в этом абсолютна права. Она намеренно вопреки моральным устоям королевства Шайн каждодневно облачалась в крайне откровенные наряды и, не стесняясь, демонстрировала выделяющиеся фрагменты тела клиентам заведения, выполняя свои обязанности.

Работая простой разносчицей, Алайла имела сомнительную репутацию, как у постояльцев, так и у мнительного владельца заведения. Однако непомерная жадность до денег вынуждала его держать ее на этом месте. По факту получалось, что немалая часть клиентов собиралась здесь именно для того, чтобы украдкой поглазеть на умело дразнящую своим обликом девушку. Конечно, почти каждый мужчина, имеющий средний заработок, мог позволить себе утешить свои вожделенные потребности в немногочисленных специализированных местах. Но в повседневной будничной обстановке мало где можно было встретить такую обольстительную красотку, принципиально не покоряющуюся нравственным устоям общества. А тут получалось, что и посетители, и хозяин Песчаных Вод, и озорная девушка – все были довольны по своему, каждый получал то, что хотел.

Этим вечером своенравная разносчица, как и всегда, ловила на себе жадные и жаждущие мужские взгляды. Горящие глаза впивались в ее торчащие из глубокого декольте груди, обнаженный плоский животик и стройные ноги. Иногда она нарочно небрежно нагибалась, открывая сверкающим взорам выглядывающие из под короткой юбки края подтянутых, упругих ягодиц. Алайлу забавляли собственные выходки. Она любила себя и свою красоту и не стеснялась пользоваться ею себе во благо. Конечно, с ее репутацией было очень сложно найти себе постоянного ухажера и успешно выйти замуж. Но Алайла и не преследовала такую цель. Привыкшая жить одним днем, она хватала все возможное, что подкидывала ей судьба. И в этот день судьба приготовила для нее неожиданный поворот. Алайла заметила, что один из клиентов сегодня был настроен по отношению к ней крайне серьезно.

Среднего возраста мужчина, пребывающий весь вечер в одиночестве, уже несколько раз заказывал себе незначительные мелочи. Когда Алайла приносила их он заводил с ней шуточные разговоры, сдобренные умелыми, но немного пошловатыми комплиментами. Алайла широко и обольстительно улыбалась и отвечала короткими двусмысленными фразами, которые побуждали незнакомца развивать каждый новый диалог в более откровенной манере. На мужчине был элегантный терракотовый кафтан, дорогостоящие светлые льняные штаны и не менее дорогие темные туфли из кожи породистого ящера. Девушка уже знала, что финалом всех его действий должно было стать предложение для дальнейшего времяпровождения вдвоем. А поскольку мужчина выглядел весьма богато одетым и ухоженным, она уже решила для себя, что от неминуемого приглашения отказываться не станет.

Согласно прогнозам Алайлы, статный господин дождался окончания ее смены и весьма корректно, но одновременно настойчиво предложил составить ему компанию. Имя мужчины было на отдаленном, но все же на слуху у окрестной молвы. Это был потомок какого-то древнего рода купцов, звали его Ребот Сегхат. Сей достопочтенный господин потрудились не напиться до непотребного состояния, дабы не унизиться в глазах шикарной дамы. Этот факт непременно последовал в копилку плюсиков, которые Алайла мысленно выставляла Реботу весь затянувшийся вечер. Она не могла не признаться самой себе, что плюсов в этом мужчине замечалось явно больше, чем минусов. По крайней мере, пока.

Они прогуливались по ночному городу между типичными двухэтажными постройками с закругленными крышами и разнородными куполами из гладко отполированных крупных обожженных глиняных блоков. Мощные бурый камнем улицы освещались немногочисленными факелами, закрепленными на стенах строений и укрытыми фигурными козырьками от ветра и редкого в здешних местах дождя. Одинокие прохожие или группы таковых не обращали внимания на воркующего богача, но обязательно заглядывались на откровенно одетую его спутницу. Однако Ребота это обстоятельство ни сколько не смущало. Алайла с неподдельным интересом слушала его болтовню, все так же широко и зазывно улыбалась и все страстнее смотрела в его по-мальчишески озорные глаза.

За милой беседой девушка не заметила, как они пешком добрались до заведения, о котором она знала не понаслышке. Пламенный Ветер – так назывался развлекательный комплекс – был одним из самых крупных и именитых трактиров в городе. Здесь отдыхали многие представители городской элиты. Всех подряд в это место не пускали. Если бы Алайла заявила сюда в одиночку, вознамерившись провести вечер, ее бы непременно прогнали прочь, ибо в подобные места пропуском был только статус. В компании же Ребота Сегхата она удостоилась легких официальных поклонов от мускулистых охранников у входа, а так же парочки красивых комплиментов и пожеланий приятно провести вечер.

Очувтившись внутри заведения, Алайла с непроизвольно широко распахнутыми глазами озиралась на окружающий интерьер. Ее спутник в свою очередь взирал на нее с неким умилением. В выражении его лица читалось удовлетворение тем обстоятельством, что он дарит спутнице ощущение восторга, находясь в привычной для себя среде. Алайла вертела головой во все стороны, изумленно рассматривая многочисленные детали и декорации огромного помещения. Шумное заведение было поделено на сектора, разграниченные либо невысокими бамбуковыми перегородками, либо высотой ярусов над основной поверхностью пола.

Музыка лилась сразу с нескольких сторон. Музыканты находились на отдельных балкончиках расположенных по периметру помещения. Места их нахождения скорее можно было бы назвать нишами, чуть выступающими из стен стилизованных под скалистые образования. Инструменты, на которых исполнялись забойные мелодии, были в большинстве своем большими струнными, так же имелись ударные и духовые. Под каждой из ниш с музыкантами обязательно горели факелы под разноцветными плафонами, подсвечивая каждого исполнителя мягким светом различных оттенков.

Повсюду стоял гул оживленных разговоров, тут и там раздавался игривый девичий смех, звон красивых фужеров. Ребот провел свою спутницу мимо выступающих на очередном возвышающемся ярусе раздетых по пояс артистов в белых штанах. Они жонглировали горящими жезлами, перебрасывая их друг другу. Далее путь Алайлы и ее кавалера проходил мимо красивого фонтана (фонтаны в песчаном королевстве являлись предметом баснословной роскоши), вокруг которого располагались столики с воркующими парами. На каждом столе стоял большой и изящный кальян. Воздух вокруг фонтана был наполнен запахом свежей воды и ароматным дымом с явно выделяющимися запахами дыни и вишни.

Мужчины, находящиеся здесь, смотрели на проходящую мимо Алайлу с нескрываемой похотью. В этом заведении девушка почему-то не ощущала в себе того задора, с каким она красовалась своими прелестями перед посетителями Песчаных Вод. Здешняя публика не страдала робостью и застенчивостью. Богачи, стягивающиеся сюда, на все взирали, как на товар. И Алайла чувствовала, что не будь с ней рядом Ребота, ее бы уже давно затащили куда-нибудь за клумбы, и изнасиловали, не воспринимая никаких отказов и жалобных просьб.

Наконец их продвижение сквозь гул и полумрак закончилось. Они очутились в небольшой зоне, отгороженной рядами высоких клумб со сверкающими хрустальными деревцами. Здесь было чуть больше десятка овальных столиков, находящихся на почтённом расстоянии друг от друга. Почти за каждым из них сидели престижно одетые кавалеры со своими дамами в ослепительно красивых платках. Возле каждого стола обязательно находилась клумба с небольшой хрустальной пальмой, которая создавала легкий эффект атмосферы уединения в волшебном оазисе. За каждой из пальм старались изо всех сил походить на глухонемые статуи щуплые юноши в серых тогах; они махали широкими округлыми опахалами на длинных черенках, создавая для парочек непрерывную мягкую прохладу. Ребот усадил девушку за единственный пустующий столик, подвинул ей стул и уселся напротив. Тут же возник гарсон (Алайла обратила внимание, что весь обслуживающий персонал состоял исключительно из мужчин) и вопросительно посмотрел на Сегхата.

– Нам вино, ты знаешь какое, – гарсон кивнул в знак того, что понял, о чем речь, – ну... и фруктов каких-нибудь. Может, хочешь чего-то особенного? – обратился Ребот к своей спутнице.

Алайла отрицательно помотала головой и мило улыбнулась. Она, может и хотела чего-то особенного, но что бы это могло быть в данном заведении, попросту не знала. И, чтобы скрыть свое полное незнание подобного рода мест и их особенностей, решила довольствоваться тем, что сам ее спутник сочтет привычным и приемлемым. Вино и фрукты на красивом подносе появились на столе практически мгновенно. Ребот наполнил длинные фужеры, подал один из них девушке и сказал короткий тост, в который ненавязчиво вплел очередной комплимент. Фужеры соприкоснулись с мягким, глубоким звоном, и оба отпили по глотку кроваво-красного напитка. Алайла поставила свой фужер и выудила из красивого натюрморта ломтик очищенного от шкурки киви.

– Значит, ты здесь бываешь достаточно часто, господин Сегхат, – подытожила Алайла вслух свои домыслы, откусывая от ломтика маленький кусочек.

– Ты права, прекрасная госпожа, – покачал головой Ребот и улыбнулся так, будто был разоблачен в чем-то не тщательно укрываемом.

– Тогда каким образом такого господина, как ты занесло к нам в Песчаные Воды? – этот вопрос мучил благоухающую девушку в течение всего времени пребывания в Пламенном Ветре. – Ведь по сравнению с этим местом там у нас просто последний гадюшник. Во всем Хеннере не сыщешь более убогого места.

Сегхат сдержанно посмеялся и покивал.

– Не могу не согласиться с тобой, моя прекрасная госпожа. Я действительно не привык посещать места подобные тому.

Ребот отпил из своего фужера, поставил его на стол, отправил в рот крупную зеленую виноградину с подноса и, хитро прищурившись, взглянул на свою спутницу.

– Не буду скрывать очевидное, – сказал он, опершись на стол локтями. – Просто до меня доплыли слухи о прекрасной девушке, которая там работает. Вот я и решил воочию полюбоваться на нее. Должен сказать, что слухи не оправдались.

Алайла едва не поперхнулась и с трудом справилась с появлением на лице выражения негодующего удивления. Ребот же поспешил продолжить свою речь:

– На самом деле оказалось, что девушка выглядит поистине божественно! Она просто само совершенство! Редко кому природа дает такую красоту. А те, кто наделен ею, наверное, самые счастливые люди на земле! Наверняка, каждый раз, когда ты смотришь на себя в зеркало, тебе самой хочется гладить и ласкать свое роскошное тело.

Он смотрел ей прямо в глаза глубоким пронизательным взглядом, под которым Алайла в очередной раз растаяла в глубине души. Она увидела, как он убрал обе свои руки под стол, и тут же ощутила их на своих коленях. Его ладони медленно и чувственно поглаживали ее ноги, пробуждая в ней самое дикое и неотвратимое желание в ее жизни. Ребот что-то еще приговаривал сладким голосом, а она все больше таяла внутри, где-то внизу живота, и чувствовала, как талые воды начинают проступать между ее ног. Разомлевшая девушка покосилась на паренька с опухалом. Тот выполнял свою функцию, словно заведенный вечный механизм, всем своим отстраненным видом стараясь произвести ровно столько помех и дискомфорта, сколько тень от пальмы.

– Может, мы найдем какое-нибудь уединенное местечко? – не выдержала Алайла. – Здесь что-то слишком уж людно и шумно...

Ее пылающие карие глаза, томный тягучий голосок и складывающиеся бантиком губы открыто заявляли мужчине о ее намерениях. Алайле уже было совершенно все равно, что таким образом она лишь подтвердит свою дурную репутацию и будет выглядеть легко доступной. В действительности, как она считала, это было далеко не так. Но сейчас девушка отчаянно желала отдаться этому статному и уверенному в себе искусителю и не поскупилась бы ни чем, чтобы ее желание осуществилось.

– Тогда может, прокатимся еще кое-куда? – все так же хитро улыбаясь, предложил Сегхат, беря ее руку в свою.

– С удовольствием! – вставая из-за стола, ответила девушка.

Через некоторое время они уже ехали в карете с зашторенными окнами. Поездка оказалась довольно длительной. Все ее время спутники провели в жадном, бешеном совокуплении, сопровождающимся несдерживаемыми глубокими стонами и порой даже надрывными криками. Ребот оказался властным и требовательным партнером, не могущим насладиться однообразием процесса соития. Алайле же это пришлось даже очень по нраву. Она жаждала именно такой страстной ночи любви. Девушка беспрекословно и с удовольствием исполняла все его требования, изгибаясь в немыслимых позах и иногда даже терпя болевые ощущения от его вездесущих проникновений, которые в итоге переросли в феерические фонтаны удовольствия.

Когда карета остановилась, Алайла все еще не была готова выйти из нее. Она лежала на диване внутри салона и медленно утиралась, возвращая на места свои нехитрые предметы одежды. Ребот сидел напротив и хищно улыбался в ответ на ее томную и удовлетворенную улыбку. Они выбрались из кареты спустя еще какое-то время, когда Алайла окончательно пришла в себя и удостоверилась, что на ней не осталось следов дикого акта любви. Теперь она была полностью довольна. Ребот удовлетворил ее по полной программе, так, что желать большего или даже чего-то подобного уже не представлялось возможным. Теперь можно было и подивиться очередным местом, в которое доставил Алайлу ее сегодняшний спутник.

И она действительно была крайне удивлена, когда выбралась из кареты. Ночь еще была в самом разгаре, до рассвета было явно далеко. Они находились посреди иссохшей пустыни, похоже, достаточно далеко от Хеннера, потому что в пределах видимости не было городских огней. Пятно, словно по заказу выхватывало из тьмы островок странного пейзажа, нарушая его истинные цвета своим голубоватым налетом. Твердая, гладкая как стол глинистая поверхность растрескавшейся на бесчисленные многогранные плитки почвы расплзалась во все стороны, сливаясь вдали с ночной мглой. Стоя перед ночными гостями, из темноты на них поглядывало странное сооружение. Разноцветные маленькие огоньки и треугольные флажки вычерчивали в темноте контуры огромного раскинувшегося шатра с множествами торчащих шпилей. По периметру своей окружности шатер впивался толстыми тросами в потрескавшуюся поверхность земли. Вездесущий ветер планомерно раздувал и спускал брезентовые купола, придавая сооружению вид гигантского дышащего уродливого горельефа. За шатром смутно проглядывалось еще одно строение с темным округлым куполом, напоминающим гигантский перевернутый таз для стирки.

Осмотревшись вокруг, слегка растерянная Алайла разглядела в ветряной мгле еще несколько карет, находящихся в пределах видимости. От них к шатру неспеша шагали едва различимые в темноте фигуры, слабо подсвечиваемые холодным светом Пятна и разноцветных огоньков на жутковатом заведении. Девушка вопросительно взглянула на своего спутника.

– Мы как раз вовремя! – объявил Ребот, вглядываясь в пространство у входа в огромное сооружение, брезентовые стены которого чуть колебались на ветру.

– Что это за место? – спросила Алайла, ежась от порывов, разметавших ее светлые волосы.

– Такого ты еще не видела, – заверил ее спутник. – И, главное, нигде больше не увидишь, – добавил он.

Девушка взглянула на шатер, затем на Ребота и двинулась к входу, ведомая своим кавалером, который заботливо приобнял ее за плечи. У входа не было охраны, а дверью служила простая брезентовая занавесь, откинув которую пара проникла внутрь шатра. От входа вперед вел коридор, ограниченный по бокам вкопанными в почву массивными досками чуть выше человеческого роста. На этих досках в хаотичной манере были рассредоточены небольшие подсвечники с толстыми зажженными свечами, распухшими от стекающего по ним воска. Между ними, приглядевшись, можно было увидеть вырезанные ножом по дереву изображения скалящихся в геометрических улыбках театральных масок.

Коридор был длиной шагов в пятьдесят. Алайла шла к приближающемуся концу странного прохода далеко не в том настроении, что наполняло ее в Пылающем Ветре. Некое тревожное чувство овладевало ею. Наконец они вышли к большой круглой арене, огороженной высокой металлической решетчатой изгородью. По бокам от примитивного деревянного коридора расходились по окружности три яруса трибун сколоченных из досок, крепящихся к толстым бревнам. Алайла окончательно уверилась, что находится в каком-то странном дешевом цирке. В зале царил подозрительная тишина, совершенно не свойственная для подобного рода развлекательных мест. Сидящие на трибунах люди почти не переговаривались друг с другом.

Зрителей было приблизительно около четырех десятков человек. Они сидели в основном по двое, редко небольшими компаниями по всей окружности трибун, оставляя между собой множество пустующих мест. В основном это были с виду зажиточные богачи с круглыми животами и спутницами, не уступающими по красоте Алайле. На головах каждой из женщин непременно присутствовал расписной платок заоблачной стоимости. В пустых взглядах обладательниц роскошных платков отчетливо читались надменность и чванство. Некоторые девушки, оценившие Алайлу при ее появлении, презрительно скривили рты.

Окинув взглядом контингент, Алайла захотела обратиться к Реботу с вопросом, но тот прервал ее намерение жестом и указал, чтобы она следовала за ним. Они присели на нижнем

ряду. От металлической решетки, ограждающей арену, их отделяло пространство буквально в три шага. В воздухе витал неприятный запах, словно от не до конца отмытой рвоты. Арена была засыпана землей, притоптанной и утрамбованной, видимо, в ходе многочисленных представлений. Пока она пустовала.

Но вот распахнулись в стороны брезентовые завесы каменного тоннеля, примыкающего непосредственно к арене с противоположной входу стороны. Раскинулись края ширмы, скрывающей глубину тоннеля, и на арену задорной пружинящей походкой вышел человек в ярком едко-зеленом костюме. Алайла невольно сморщилась, глядя на облик появившегося типа. На его голове была отвратительная опухоль, превращающая левую половину лица в бесформенный обвисший гнойный мешок мертвенно серого цвета. Человек оказался ведущим начинающегося представления.

Алайла, украдкой оглядевшись по сторонам, заметила, что при появлении ведущего на лицах собравшейся публики заиграло какое-то недоброе любопытство и подозрительное нетерпение. Человек с опухолью поприветствовал гостей и принялся рассказывать историю, которая, по его мнению, являлась забавным вступлением. Это подобие анекдота повествовало о неудачнике муже, не вовремя вернувшемся домой и заставшем у жены любовника, который попытался убежать. Юмор ведущего заключался в том, что, якобы, это был единственный случай, когда удача улыбнулась простофиле: он догнал удирающего любовника, после чего отрезал его достоинство и подарил неверной жене.

Подытожив свой несуразный, по мнению Алайлы, рассказ (хотя, к ее удивлению, остальные зрители от души посмеялись над вступлением) словами о неминуемых радостях и жестокостях будничной жизни, ведущий интригуяще заявил, что здесь о занудной реальности можно, как обычно, забыть, и что шоу начинается. Возбужденным голосом он назвал имя первого артиста и удалился в тоннель, откуда уже выходил названный участник представления. На арену отточенным артистичным шагом, заложив руки за спину, вышел мало чем примечательный человек. Через мгновение откуда-то из-за кулис зазвучала нервная музыка невидимого духового ансамбля. К странно но слаженно завывающим трубам примкнул монотонный ритм глуховатого ударного инструмента. Артист вынул руки из-за спины, и выяснилось, что его правая рука в локте делится на два самостоятельно двигающихся предплечья увенчанных двупалыми кистями.

Алайла содрогнулась при мысли о том, что попала в цирк каких-то уродов и побоялась даже представить, какие отвратительные вещи и в каком количестве ей предстояло увидеть этой ночью. Она взглянула на Ребота и обнаружила на его лице улыбку. Сегхат с неподдельным интересом наблюдал за действиями артиста, не обращая внимания на свою спутницу. Алайла внезапно почувствовала себя невеждой среди ценителей какого-то неведомого и недоступного ее пониманию искусства. Она мысленно пожурила себя и тоже стала наблюдать за выступлением, пытаясь уловить какие-то скрытые смыслы и откровения в действиях выступающего человека.

Артист начал с нескольких карточных фокусов, в которых была задействована невероятная ловкость его раздвоенной руки. Затем он принялся жонглировать изуродованной конечностью заранее приготовленными на арене кольцами и обручами. Алайла вынуждена была признать, что делал это артист весьма грациозно и безукоризненно. Под конец своего непродолжительного выступления артист встал на руки, прошагал вверх ногами небольшое расстояние, после чего убрал с пола нормальную руку и продолжал шагать, перебирая предплечьями и опираясь на двупалые кисти раздвоенной конечности. Под негромкие овации он ловко подпрыгнул из своего перевернутого положения и, очутившись на ногах и откланявшись, покинул арену под затихающую назойливую мелодию.

Его тут же сменил человек с опухолью, который поспешил изложить подводку к следующему номеру в стиле предшествующего вступления. Назвав имя человека, который должен был

продолжить странную развлекательную программу, ведущий вновь скрылся в тоннеле за ширмой. На арене появился невероятно тощий человек, который принялся изгибать свои конечности и туловище всевозможными способами. Его руки и ноги выгибались и скручивались так, будто в них вовсе не было костей. Пользуясь этой странной особенностью своего тщедушного тела, артист исполнил длительный танец под вновь зазвучавшую из тоннеля примитивную музыку изрядно режущую слух. В завершение номера он выгнулся кольцом и прокатился несколько кругов по арене.

Субтильный артист удалился под непродолжительные аплодисменты, и вновь появился сияющий ведущий.

– Дорогие гости! – обратился он к затихшей публике. – А сейчас мне бы хотелось представить вам хозяина нашего цирка! Не было бы его, не было бы здесь сегодня и нас с вами. Итак, поприветствуем! Достопочтенный и благородный, великий и могущественный мастер магических наук, бессменный лидер нашей труппы Контрос Безликий!

Под нагнетающий стук невидимого зрителям ударного инструмента на арену стремительно выполз из тоннеля, словно большой проворный червь, густой туман и заполнил собой окружность внутри металлической ограды, скрыв человека с опухолью. Когда молочная масса безвредного дыма внезапно рассеялась, вместо ведущего на арене уже стоял человек в строгом темно синем костюме в тонкую светлую вертикальную полоску. На невысоких сапогах сзади поблескивали шпоры. На его голове была темная широкополая шляпа. Лицо хозяина цирка скрывала театральная маска, наполовину черная, наполовину белая. На маске была изображена геометрическая ухмылка, которую можно было запросто отнести к разряду недобрых. Через суженные прорезы глазниц можно было увидеть, как в темных глазах мага периодически пробегают голубые молнии.

Стук ударника стих. Воцарила полная вакуумная тишина.

На левую руку Контроса были намотаны два конца цепей. Возле его ног стояли на четвереньках две обнаженные девушки. На их шеях были черные кожаные ошейники, к которым крепились цепи. Когда туман окончательно рассеялся, Алайла разглядела рабынь хозяина цирка детально и оцепенела. Миловидные на первый взгляд девушки со стройными фигурами, красивыми и упругими грудями, округлыми и притягательными ягодицами имели неестественно длинные и сплюснутые разрезы глаз, которые были желтого цвета. Из ртов их изредка высовывались и тут же пропадали раздвоенные языки.

Но больше всего Алайлу ошеломил тот факт, что стройные бедра девушек после коленных суставов продолжались не икрами и голеньями, а медленно извивающимися змеиными хвостами. Ходить на таких конечностях не представлялось возможным, потому цепные рабыни Контроса перемещались на четвереньках. Хозяин цирка неспешно обошел окружность арены, в абсолютной тишине разглядывая собравшуюся публику. Девушки ужимисто ползли за ним, виляя очень красивыми бедрами, покачивая грудями и при этом мерзко шевеля змеевидными окончаниями ног. Каждый из гостей, на кого взирали темные глаза мага, поспешно опускал либо отводил взгляд.

Остановившись вновь по центру арены, Безликий заговорил глухим низким голосом:

– Я приветствую вас, дорогие гости, в моей скромной обители.

Некоторые слова Алайла разбирала с большим трудом, ибо часть звуков скрадывалось – у хозяина цирка имелся дефект речи.

– Я знаю, – продолжал Контрос, – с какими целями вы здесь сегодня собрались. И я рад, что могу предоставить вам всем доступ к тому удовольствию, которое вы не получите, наверное, больше ни где и никогда. Большинству из вас знакома дальнейшая процедура, потому не буду сильно утомлять вас своей болтовней. Оговорюсь лишь, что сегодня финала будет только два.

При этой оговорке некоторые зрители огорченно вздохнули.

– Наслаждайтесь зрелищами, господа! Всегда рад вас видеть! – закончил Контрос свое лаконичное обращение.

В ответ раздались негромкие возгласы благодарности и робкие уважительные фразы. Голубые молнии в очередной раз пробежали в глазах хозяина цирка, после чего на арену вновь вырвался поток густого тумана и поглотил мага в своей седой пелене. Когда дымка рассеялась, пространство внутри металлической изгороди пустовало, а на трибунах звучали громкие овации.

Глава 3

После исчезновения хозяина цирка заряженный вечной бодростью ведущий еще не раз называл участников, имена и образы которых Алайла старалась не запоминать. Уроды хвастались своими ужасными деформациями, кто как мог, под неподдающиеся осмыслению аккорды скрытого за кулисами неординарного музыкального коллектива. Такое действительно вряд ли можно было повидать где либо еще. По крайней мере, Алайла подобных мест не знала, никогда о таковых не слышала, и даже не подозревала до сегодняшней ночи, что их существование вообще возможно.

После очередного номера ведущий объявил о начале процедуры. Какой именно, он не уточнил, ибо для всех она, похоже, являлась привычной и очевидной. Мужчины начали вставать со своих мест и подходить к решетке. Алайла растерянно посмотрела на Ребота, но он, вставая, показал ей жестом, чтобы она оставалась на месте, сдержанно улыбнулся и подошел к ограде. Ведущий тем временем шел вдоль решетки внутри арены с небольшим мешком в руках. Человек с опухолью на лице останавливался возле каждого гостя, и мужчины, протягивая руки сквозь прутья решетчатой изгороди, вытягивали из мешка крошечные бумажные свертки.

Когда процедура закончилась и Ребот Сегхат сел на место, Алайла уже была крайне возмущена и взволнована царящей таинственностью. Она была намерена немедленно выяснить, что здесь происходит, но Ребот, увидев тревожные позывы в ее взгляде, поспешно шепнул ей на ухо:

– Подожди еще совсем немного, моя прекрасная госпожа! Сейчас ты все увидишь и все поймешь!

Ей почему-то не понравилась странная возбужденность в его шепоте. Однако Алайла решила внять его просьбе и подождать еще. Устроить внезапно громкую разборку своему спутнику показалось ей не слишком уместной выходкой на данный момент. Чувства внутри Алайлы противоречили друг другу, но она вновь попыталась погасить нервозность и мрачность ситуации мыслями о терпеливости. Она обратила внимание, что в изголовье деревянного коридора, ведущего к выходу встали три здоровенных амбала. На них были надеты только кожаные штаны и обтягивающие всю голову целиком кожаные маски с прорезями для глаз и ртов. Громилы загородили проход, и это обстоятельство в очередной раз усилило чувство тревоги Алайлы.

Через несколько мгновений ее внимание привлек ведущий, который восторженно объявил о начале первого финала, и зрители неистово захлопали и заулюлюкали, словно нецивилизованные дикари.

– У кого же в этот раз первая очередь? – заговорчески спросил человек с опухолью у публики.

– У меня! – чернокожий мужчина в возрасте грузной комплекции, облаченный в богатое белое платье и позолоченный тюрбан, поднялся с места.

Девушка, сидящая рядом с ним, с ужасом уставилась на своего спутника. Она тихо зашептала ему что-то, теребя за рукав, но поднявшийся с места человек лишь ответил ей, что правила одни для всех.

– У вас будут сложности, уважаемый? – громко поинтересовался с арены ведущий.

– Нет, нет, – заверил пожилой мужчина. – Правила одни для всех, господин ведущий, – вновь повторил гость отчетливее, большей частью для своей дамы.

Побледневшее лицо его спутницы исказилось в приступе беззвучного горького плача, но она поспешила вернуть горделивое и бесстрашное выражение, утерев выкатившиеся слезы. Девушка поднялась с места и, сняв с головы платок, небрежно швырнула его чернокожему мужчине в белом одеянии. Длинные черные волосы рассыпались по ее плечам. Она больше

не взглянула на своего кавалера и зашагала с трибун к ограде. Ведущий указал ей место, где отодвинулась, скрипя механизмом дверь в решетчатой изгороди. Девушка вошла в арену и ограда вновь сомкнулась. Ведущий взял ее за руку, с артистичной угодливостью сопроводил к центру арены и спросил:

– Как ваше имя, прекрасная госпожа?

– Сейра, – еле слышно пролепетала она.

– Вы, если я не ошибаюсь, здесь не впервые, – участливо обратился к еще больше побледневшей женщине человек с опухолью.

– Четвертый раз, – дрожащим голосом ответила дама.

– Скажите, все ли понравилось вам во время предыдущих посещений, Сейра? Стоило ли оно того?

– Да... – опустив голову, будто готовая к расплате призналась женщина.

– Что ж, тогда не будем затягивать, – грустно улыбнулся он ей. – А мы прощаемся с почтенной госпожой Сейрой! За нее не раз будут подняты сегодня наши кубки! Сегодняшний финал, как и всегда, будет новым и неординарным, многоуважаемые дамы и почтенные господа! Наш великий магистр приготовил нам очередной сюрприз!

Он легонько сжал плечо девушки и кивнул ей на прощанье, изобразив виноватую улыбку, после чего резво удалился по тоннелю за ширму. Девушка осталась стоять посреди арены, опустив голову и тихо всхлипывая. В зале образовалась тишина, нарушаемая лишь ее плачем.

– Что происходит? – взволнованно прошептала Алайла на ухо Реботу.

Но тот лишь приложил палец к губам и кивнул в сторону арены, мол, сиди и смотри.

Тишина оборвалась раздавшимися из-за ширмы из глубины каменного тоннеля звуками. Нечто среднее между хрипом умирающего и ночным воем голодного пса донеслось из недр закулисного пространства. Алайла замерла, как и женщина на арене. Сейра, ссутулившись, стояла на дрожащих ногах и смотрела на тоннель. Все происходило в напряженной тишине, ансамбль не сопровождал финалам. Через несколько мгновений из-за ширмы появилось нечто такое, от чего у Алайлы перехватило дыхание, а женщина на арене принялась истошно кричать.

По тоннелю двигалось что-то невообразимое, похожее на порождение чьего-то бредового кошмара. Невероятно толстое женское тело было изуродовано не иначе как колдовским в сочетании с хирургическим путем. Помимо собственных ног из плеч уродливого складчатого туловища вместо рук отходили еще одни ноги. Существо передвигалось, словно жук на всех конечностях, но неспешно, с явным неудобством. Из толстой шеи вырастали на трубчатых ответвлениях две безволосые, покрытые чем-то вроде жира головы животных, напоминающих псов или волков. Две пары ног с обоих концов грузной туши плохо справлялись с осуществлением своего назначения. Им приходилось волочить по притоптанной земле толстое брюхо и отвисшие дряблые груди. Пасти покрытых слизью искаженных волчьих голов клацали зубами и брызгали слюной.

Сейра кинулась к решетке и начала умолять своего спутника вмешаться и вытащить ее из этого кошмара. Лицо чернокожего господина в белом платье и позолоченном тюрбане осталось не затронутым ни единой эмоцией. Женщина принялась взывать к остальным зрителям, но их взгляды были безжалостными, собравшиеся люди жаждали зрелища, которое вот-вот должно было произойти. Сейра перемещалась по всей окружности вдоль ограды и молила людей о помощи. Ни единой попытки побежать в тоннель она не предприняла. Видимо, знала, чем это могло грозить, если была здесь не впервые.

Наконец она оказалась прямо напротив Алайлы и взмолилась, глядя на нее глазами полными слез:

– Пожалуйста! Пожалуйста, вытащите меня отсюда!

Алайла не знала, как и быть. Ее сердце колотилось так, что ей стало дурно. Она взглянула на Ребота, но тот бесстрастно наблюдал за мольбами Сейры.

– Я не знаю как, – едва слышно проямлила Алайла непослушными губами, – я не знаю...

В этот момент струя крови брызнула прямо ей в лицо. Подступившее к жертве со спины кошмарное создание впилось обеими челюстями Сейре по обоим бокам от затылка в шею. Женщина заорала и попыталась вырваться от вгрызающихся в плоть пастей. Ей удалось податься вдоль ограды в сторону, но в следующее мгновение передние ноги, растущие из плеч толстого туловища твари, толкнули ее в спину. Сейра повалилась лицом вниз. Ее спину заливала кровь, вытекающая из ран от укусов у плеч на шее. Она поползла, но тварь тут же сильнее пришпорила ее к земле своими омерзительными конечностями. Всей тушей навалившись на тело женщины, ужасное создание вновь принялось вгрызаться в ее плоть.

Сейра судорожно брыкалась и пыталась выбраться из под чудовища, но это было уже не возможно. Клыкастые челюсти жадно смыкались на ее плечах до тех пор, пока плечевые суставы рук несчастной женщины не отсоединились от туловища. Сейра уже не кричала, но еще издавала страшные затихающие хриплые возгласы, вместе с которыми из ее рта выплескивались сгустки крови. Сконструированная большим разумом хозяина цирка тварь неуклюже перевернула безрукое тело женщины на спину. Вся земля вокруг страшного действия пропиталась кровью. Длинные черные волосы Сейры сваялись во влажной окровавленной почве.

Оказалось, что жертва была еще жива. Ее затуманенные болью и ужасом глаза все еще смотрели на уродливое создание, нависающее над ней. Рот был наполнен темной кровью и землей, кричать она больше не могла. Она только сумела зажмуриться, когда обе пасти разом принялись перегрызать ее горло. Покрытые слизью головы толкали друг дружку, но обе, не отрываясь, продолжали вгрызаться в шею Сейры. Продлилось это мерзкое действие до того момента, пока тварь окончательно не отделила голову девушки от ее туловища. Голова Сейры откатилась чуть в сторону, глаза так и остались зажмуренными.

Алайлу вырвало. Она пыталась не смотреть на происходящее на арене, но жуткие звуки словно завораживали и все время заставляли взглянуть на затянувшуюся мучительную кончину женщины. Теперь чудовище разгрызало брюхо безголового и безрукого трупа и вытягивало из него синеватые кишки. Пир отвратительной твари прервал щелчок кнута. Уродливое создание мгновенно оторвалось от своего мерзкого занятия, и обе осклизлые головы обернулись на звук. В тоннеле с хлыстом в руке стоял Контрос. Он поманил коротким жестом к себе безобразную четырехногую тварь и скрылся за ширмой.

Грузное мерзкое существо не смело послушаться команды своего создателя. Оно двинулось своей неуклюжей походкой жука к тоннелю. Когда тварь исчезла за ширмой, на арену выбежали двое мужчин, одетых так же, как громилы перекрывшие выход, только в штаны и обтягивающие голову маски. Один из них потащил в тоннель за ноги туловище умерщвленной женщины, второй собрал отгрызенные конечности и голову. Прежде, чем скрыться за ширмой, последний помахал зрителям посиневшей рукой покойной Сейры. Кто-то из зрителей издал едкий смешок.

Алайла едва пришла в себя, когда на арене появился ведущий. Он вел себя, как ни в чем не бывало.

– Магистр Контрос надеется, что вам понравилась его новая зверушка! – улыбаясь, обратился он к зрителям.

Отовсюду раздались положительные ответы. Человек с опухолью согласно покивал.

– Мне тоже, друзья, мне тоже, – сказал он. – Однако великий Безликий напоследок хотел показать вам и одну из его новых игрушек! Вы хотели бы ее увидеть?

Снова возбужденные согласия посыпались со всех сторон.

– Тогда я должен знать, кому же из вас выпала вторая очередь финала!

– Это я.

У Алайлы все поплыло перед глазами. Рядом поднялся и ответил ведущему ее спутник, Ребот Сегхат. В эту секунду только он не смотрел на свою спутницу, все остальные взгляды были устремлены на нее.

– Что это значит? – Алайла уже была готова запаниковать.

– Прости, – Ребот виновато втянул голову в шею, – не думал, что так выпадет с первого раза. Я хотел, чтобы мы посмотрели представление вместе и остались на пир.

– Что?! – девушка поднялась.

Она вдруг увидела, как из тоннеля на арену семеро мужчин выносят тяжелую и страшную металлическую конструкцию.

– Что еще там тебе выпало? Что все это значит?! – она уже была готова расцарапать лицо своему подлому кавалеру.

– У вас будут проблемы, уважаемый? – громко поинтересовался с арены ведущий.

– Похоже, что да, – криво улыбаясь, ответил Ребот.

Он поймал руку Алайлы в дюйме от лица, второй рукой она уже ударить не успела, ее схватил кто-то подступивший сзади. Ребот едва увернулся от удара ее ноги в пах, после чего двое громил в черных масках скрутили девушку и потащили на арену. Ограда разомкнулась, и вырывающуюся, дергающуюся Алайлу заволокли в центр круга, где стоял большой металлический агрегат. Девушка кричала и плакала, но видела за оградой все те же равнодушные лица и опыненные предыдущей смертью глаза, жаждущие очередного зрелища.

Напрасно она пыталась сопротивляться, когда ее руки засовывали в металлические браслеты на крестообразном остова конструкции. Попытки вырваться из крепких рук громил были заведомо обречены на неудачу. Теперь она была намертво пристегнута к агрегату. Далее над ее стопами защелкнули по браслету, крепящемуся на цепи, и медленно растянули ноги в стороны. Цепи закрепили на специальных колышках, зафиксировав Алайлу в висячем положении с максимально разведенными в стороны ногами. Голову ее зажали специальными тисками, чтобы она не могла ей дергать.

Заинтригованные зрители собрались у ограды, покинув свои места. Они с любопытством разглядывали неведомый аппарат, не обращая ни малейшего внимания на прикрепленную к нему рыдающую девушку. Алайла была закреплена на прочной крестовине, а в десяти футах перед ней располагалась конструкция, сильно напоминающая двусторонние качели на оси, которая из их центра крепилась через кривошипно-шатунный механизм к какому-то коробу с отверстием. Короб находился ровно под телом подвешенной девушки. Сзади к крестообразной основе на уровне шеи Алайлы был прикреплен круглым основанием продолговатый цилиндр, снаружи которого по бокам были видны фрагменты цепи. Цепь спускалась, видимо от передаточного колеса внутри цилиндра к красочному ящику с ручкой, находящемуся позади всей конструкции на земле.

Когда приготовления завершились, громилы покинули арену, и ограда сомкнулась за ними. Человек с опухолью был уже тут как тут. Он медленно подошел к рыдающей девушке и сдернул с нее юбку одним рывком. Алайла умоляла его прекратить все это и отпустить ее, но ведущий вел себя так, будто заливающейся слезами пленницы не существовало. Чтобы его было лучше слышно на фоне ее криков, он подошел поближе к решетке и, указав на оголенную Алайлу, вдохновенно проговорил:

– Что может быть прекраснее сладких плотских утех? Что может доставить большее удовольствие, чем манящее и раскаленное лоно любви? Я отвечу вам, друзья мои! Только одно! Только лишь продукты этой любви! Дети!

После этих слов из тоннеля на арену вывели трех маленьких детей – двух мальчиков и одну девочку. Их родители (или воспитатели) уже выступавшие сегодня перед публикой тут же удалились с арены вместе с ведущим. Детям на вид было не больше трех или четырех лет. Их лица были не сильно, но все же деформированы и наделены явными признаками нездорово-

вого развития. Дети, словно надрессированные, сразу же заковыляли неуклюжими походками к любимым развлечениям. Девочка заторопилась к разноцветному ящику позади Алайлы, а мальчики вскарабкались с двух сторон на края качелей, находившихся перед ней.

Мальчики принялись раскачиваться на качелях, по очереди поднимаясь и опускаясь на своих краях доски. Девочка же отыскивала на любимом цветном ящике заветную ручку и начала крутить ее. Из ящика зазвучала примитивная детская мелодия, которая придавала сложившейся атмосфере еще больше устрашающих и депрессивных тонов. Мальчики смеялись нездоровым тонким смехом, слыша мелодию и раскачиваясь вверх-вниз. Уливающаяся слезами Алайла сквозь пелену плача видела восторженные взгляды бездушных зрителей, облепивших ограду, словно мухи банку меда.

Она не могла видеть того, что при каждом повороте девочкой ручки цветного музыкального ящика из цилиндра за ее затылком неспешно выползло тихо вращающееся сверло диаметром с большой палец. Сверло медленно, но верно направлялось в специальное отверстие в крестообразном остове конструкции. Не могла Алайла видеть и того, что при каждом подъеме и опускании концов качелей из устройства, расположенного под ней делениями вырастает острый стальной кол толщиной с ее предплечье. Кол так же неотвратно приближался к ней снизу.

Ничего этого всхлипывающая девушка не видела. Она лишь видела все больше расширяющиеся глаза зрителей и слышала слабый металлический скрежет на фоне угнетающей детской мелодии и писклявого большого смеха.

Первым к цели добрался кол. Алайла почувствовала ледяное прикосновение металла, и мышцы ее непроизвольно сжались. Она хотела дернуться, увернуться, отодвинуться куда-либо, но не могла. Кол медленно входит внутрь ее промежности и поначалу не причинял боли, а даже напротив. К своему стыду Алайла в этот ужасный момент пожалела, что за свою жизнь не пробовала чего-то подобного по собственной воле. В этот же миг ее посетила парализующая мысль о том, что если она не выберется отсюда живой, ее даже ни кто не будет искать. Ни кто не хватится ее, кроме разве что завсегдатаев и управляющего Песчаных Вод, да и те посудачат, проклянут и забудут через несколько дней.

Тем временем кол настойчиво стремился ввысь. Первые разрывы органов заставили вывалиться на механизм зловонное содержимое ее кишечника. Алайла закричала и забилась с такой силой, что ей даже показалось, будто сейчас она порвет цепи и разнесет кошмарный аппарат по частям. Но это была лишь последняя иллюзия. В реальности оковы были нерушимы, а кол упрямо пробивался дальше, медленно протыкая и разрывая ее внутренности. К тому моменту, как девушка начала судорожно сплевывать кровь и хрипеть, сзади чуть ниже затылка в ее шею медленно погрузилось вращающееся сверло, подкравшееся из цилиндра сквозь ровное отверстие в остове агрегата.

Зрители восторженно взирали на искаженное болью лицо Алайлы. Оно побагровело от вытерпываемых мук. Вены на лбу и шее вздулись, подбородок был залит кровью, стекающей по ее обмякшему телу и спадающей вместе с частями внутренностей на механизм, ее собственные экскременты и поверхность арены. Когда окровавленное сверло вышло из шеи спереди, Алайла уже была мертва. Из тоннеля появились взрослые, которые увели детей, расстроенных до горького плача тем, что их отрывают от любимых забав.

Чуть позже кровавых финалов, как обычно, в соседнем помещении начался пир. Гости ожидали его с трепетом и нетерпением. Неотъемлемой и основной составляющей предрасветной трапезы являлся особый напиток – Нектар Грез, созданный по уникальному рецепту хозяином цирка. Гости с жадностью припадали к кувшинам, рассредоточенным по всей протяженности длинного стола, заставленного различными изысканными яствами. Испив всего

по несколько глотков Нектара Грез, люди начинали испытывать поистине неповторимое и сладостное блаженство.

Напиток Контроса вызывал волшебное помутнение и забытие. Его эффект возносил людей на пики неопишуемых наслаждений. Ощущения от каждого приятного действия усиливались стократно. Зарядившись наркотическим зельем, люди начинали поглощать экзотические угощения в огромных количествах. Вкус любого из блюд сводил собравшуюся публику с ума. Наевшись до отвала, гости разбредались по темным углам и предавались плотским утехам. Нередко все это перерастало в массовый акт любви в полумраке при многочисленных свечах, длящийся часами и затухающий лишь поздним утром, когда участники оргий засыпали прямо во время последних вялых движений.

Контросу все это было не интересно. Нектар Грез, шоу уродов и фатальные номера были лишь беспроектной приманкой для зажавшихся богачей, которые охотно тащили в его цирк то, что ему было так необходимо – жертвы. Молодые девушки и женщины, окропляющие своей кровью арену цирка – вот, что ему было нужно. Обычная программа включала в себя три и порой даже четыре кровавых финала, в зависимости от численности публики, но сегодня хозяину было достаточно всего двух смертей.

Они были последними.

Контрос не всегда был таким. Были времена, когда его цирк, называвшийся Блуждающим, странствовал по городам и поселкам, демонстрируя безобидные номера с участием все тех же недоразвитых или имеющих уникальные дефекты людей. Хозяин цирка и сам имел увечье, с которым прожил большую часть своей жизни. Оно было не врожденным.

В возрасте семи лет произошел случай, который навсегда все изменил для этого человека. Он научился контролировать свою магическую силу и пользоваться ею. И в очередной раз, когда неродной отец принялся избивать его мать, Контрос пустил в него молнию, которая, к сожалению, не принесла обидчику матери значительного ущерба. Вместо того чтобы усмирить отчима, у мальчика получилось его разъярить. На его глазах обезумевший от злости мужчина до смерти забил мать, а затем взял не самый острый нож, зажал маленького беспомощного мага и принялся уродовать его лицо. Он срезал мальчику губы и срезал почти всю кожу с лица, прежде чем в дом вломились соседи, услышавшие крики.

Тот день стал началом его сознательной взрослой жизни. Пришлось научиться жить самостоятельно. При этом приходилось мириться со своим обликом, и учиться разговаривать без помощи губ. Поняв, что для всех нормальных людей он является изгоем, Контрос осознал, что как раз человечности в этих людях и не было. Большинство людей судило обо всех исключительно по внешним признакам. В какой-то момент, когда судьба свела его с неполноценными людьми, он и пришел к выводу, что ему есть место лишь среди них.

Еще позже он понял, что совокупность их недостатков можно превратить в одно большое достоинство. Так и зародился Блуждающий цирк, к которому на протяжении долгих лет примыкали новые артисты. Контрос и члены его труппы довольствовались малым, не заламывали цены, не требовали ни от кого создания каких-либо условий для своих выступлений.

Однажды в далекую пору бесконечных гастролей он повстречал в Креоле, тогда еще доминирующем над остальными королевстве, прекрасную девушку. Между ними возникло глубокое, неподдельное чувство. Девушка полюбила его искренне и беззаветно, несмотря на обезображенную внешность и невнятную речь.

К сожалению для них обоих, эта девушка являлась дочерью короля, принцессой Креола. Элливиана Ордан – так ее звали – погибла шестнадцать лет назад. Ее гибель произошла во время конфликта с родным братом. Наследие трона являлось слишком большим вопросом для Сиддэна, сына предыдущего короля, и принц прибег к тому, что даже взял в заложники Контроса и держал его взаперти в своем тайном поместье, как гарантию того, что сестра добровольно откажется от трона. Однако перед смертью Элливиана выиграла свободу своего воз-

любленного на гладиаторском турнире, на котором и погибла во время крушения столичной цитадели и арены амфитеатра.

Сиддэн же чудом выбрался из под завалов живым. К тому моменту его отец был тоже мертв, как выяснилось чуть позже. Тогда-то на Сиддэна и взвалился груз правления королевством – то, к чему он так стремился. Однако первым делом он все же сдержал обещание, данное сестре. Он отпустил Контроса из заточения и велел ему навсегда покинуть Креол. С тех пор хозяин Блуждающего цирка углубился в изучение некромагии, которой начал увлекаться еще, когда его возлюбленная была жива.

Вдаваясь во все большие нюансы и глубины магии мертвых, Контрос узнал из древних манускриптов о заточенном в глубинах песков королевства Шайн духе. Это был демон, неудавшееся творение одного (или возможно группы) из множества забытых историей колдунов давным-давно исчезнувших с лица Центрального Континента. Этот ненасытный до смертей дух, согласно хрупким и пожелтевшим рукописным работам, являлся неким проводником, бесплотным существом, имеющим возможность общаться с миром живых и загробными угодьями Пылающей Ямы.

Контрос долго блуждал по песчаным дюнам королевства Шайн в поисках места заточения духа. Наконец однажды удача улыбнулась ему, и он отыскал нужное место. С помощью темных обрядов хозяин цирка вступил в контакт с заточенным демоном. Целью Контроса было каким бы то ни было способом убедить темное создание оказать ему помощь в том, чего хозяин цирка за все прошедшие годы был не в состоянии постичь и добиться самостоятельно. Контрос желал заставить демона воскресить душу и разум его погибшей возлюбленной, Элливианы.

Типичное для некромагии оживление мертвецов возвращало к жизни лишь опустошенное бездумное тело для слепого повиновения, но не разум, не чувства и не память конкретного умершего человека. Вернуть же саму суть, душу покинувшей мир живых личности из Пылающей Ямы и до сей поры даже среди оставшихся на континенте неслабых и именитых колдунов воспринималось на уровне нелепой выдумки или древнего мифа. Однако долгие исследования, посвященные исключительно этой сфере некромагии убедили Контроса в возможности возврата души из загробного мира. И все эти долгие годы он верил, что нашел проводника и делал все необходимое для осуществления обещанного демоном результата.

Древнее порождение ужаса не могло вырваться из созданной покойными магами темницы в горячих песках. Но оно, как выяснил Контрос в ходе периодических контактов, могло действовать из своего плена, имея необходимую подпитку. Как любое порождение зла, демон обладал единственным главенствующим стремлением – уничтожить все в мире живых, либо сразу целиком весь мир живых, возможно, чтобы быть угодным миру мертвых, либо обратит в него все живое. Так дух заключил с обезумевшим от своей мечты хозяином цирка сделку. Контрос должен был жестоко расправиться с шестьюстами шестидесяти шестью женщинами, пытая и проливая их кровь над местом заточения демона. Взамен, когда последняя жертва падет на назначенном месте, дух должен был вытащить возлюбленную отчаянного мага из Пылающей Ямы. Шестьсот шестьдесят шесть жизней за одну. Но тоскующий колдун был готов положить на эшафот хоть тысячи.

Решение пришло само собой. Контрос создал на нужном месте арену, вокруг которой возвел новый цирк. В течение следующего, растянувшегося на целое десятилетие, времени в этом месте регулярно проходили ужасные кровавые расправы, за просмотр которых богачи платили немислимые деньги. Помимо этого алчные до мерзких зрелищ мужчины еще и тащили со всех концов всех королевств в цирк прекрасных девушек, ибо таковыми были созданы правила этого страшного места. Каждая сходка обязательно заканчивалась размашистыми пирами, на которых Контрос привил своим клиентам плотную тягу к изобретенному им самим Нектару Грез. Наркотическое зелье окончательно закрепляло невидимый контроль хозяина цирка над его порочными гостями.

По первому времени Контрос часто испытывал угрызения совести за ужасные деяния, которые он был вынужден совершать. Ему снились кошмары. Моря крови, вынырывающие из них и манящие его к себе растерзанные на арене женщины, крики жертв, обретающие вязкую и липкую форму, которая хватала и тащила его куда-то во тьму. Множество разнообразных ужасов повидал Контрос во снах и наяву, пока в итоге сны не стали сплошь черными, а пытки красавиц – будничной рутинной заботой. Эмоции покинули сознание Контроса. Лишь запрятанная в самой глубине догнивающей души заветная мечта вновь быть с Элливианой поддерживала в нем необходимость существовать и действовать дальше.

Контрос знал, что после смерти за свои деяния он также непременно сам попадет в Пылающую Яму и множество раз всерьез задумывался о том, не воссоединиться ли с возлюбленной именно таким простым способом. Но каждый раз в последний момент всплывали в голове весомые отрезвляющие аргументы против затеи с самоубийством. Даже если каким-то образом их души и воссоединятся в загробном мире (о чем наверняка знать он не мог), то навеки будут обречены на страшные муки. А уж вечные пытки в Пылающей Яме, наверняка были в тысячи раз страшнее тех, что придумывал для своих жертв хозяин замершей в песках кровоточащей обители мученических смертей.

Так Контрос терпеливо ждал долгие годы. И вот, наконец, сегодняшней ночью пали и пролили кровь две последние жертвы, заявленные в условиях заточенного демона. Число шестьсот шестьдесят шесть, нередко фигурировавшее во многих фолиантах и свитках повествующих о некромагии, являлось неким благополучным знаком, отправным символом, способствующим наилучшему протеканию процессов формирования узлов и сопряжений данного вида магии. Множество рисуемых символов содержали в себе так или иначе вплетенные в линии и изгибы три зловещие шестерки.

Сегодня Контрос вырисовывал их с особой тщательностью. Дождавшись, когда гости обессилят и провалятся в глубокие наркотические сны, Безликий поспешил на арену, где он обычно вступал в контакт с заточенным духом. Закончив выводить на земле связующий знак, Контрос затянул монотонные заклинания, напоминающие невнятную песню человека напрочь лишённого слуха и голоса. В концовке необходимого набора странных фраз хозяин цирка принялся снова и снова повторять единственное слово:

– Дааронтэкор! Дааронтэкор!

И Дааронтэкор отозвался.

– Я ждал тебя, упрямый человек... – прозвучал шипящий и воющий, словно пустынный ветер, голос внутри головы Контроса. – Я знаю, зачем ты здесь...

– Мы оба это знаем. Я выполнил свою часть сделки.

Как обычно, по слегка заколебавшейся, словно пленка на потревоженном болоте, поверхности арены засуетились набежавшие со всех сторон крупные песчинки. Скапливаясь, они образовывали едва различимый завершённый образ шевелящейся уродливой пасти. Теперь поступающие в голову мага сигналы сопровождались зловещей мимикой еле заметного зева из песчаных крупиц.

– А я выполню свою... – прошелестел Дааронтэкор. – Но ты должен будешь пожертвовать своим могуществом, своим даром... Ты же не забыл об этом?..

Контрос прекрасно помнил и про это условие. Демон, находясь в заточении, не мог орудовать своими возможностями в мире живых. Потому, взамен за воскрешение Элливианы он так же потребовал всю магическую силу хозяина цирка. С ее помощью он собирался впустить в мир живых того, кто сможет исполнять его кровожадную волю.

– Я готов, – решительно ответил Безликий.

– Я ждал... – прожужжал в голове голос, – и я знал...

Контрос ожидал чего-то сверхъестественного и страшного, чего-то свирепого и болезненного, но ничего подобного не произошло. Не происходило ровным счетом вообще ничего.

Лишь поразительная черствая тишина образовалась под смертоносным шатром на минуту или две. Она принесла с собой эмоционально бесцветное чувство пустоты, которую хозяин цирка поначалу намеренно проигнорировал.

– Теперь ты стал просто пустым сосудом, – прошипел Дааронтэкор. – Неужели твоя женщина стояла подобной жертвы?

– Где она?! – возбужденно потребовал ответа Контрос.

– В твоём саду... спешу... спешу, упрямый человек...

Безликий заспешил. Но не потому, что так повелел шипящий голос демона, а по той причине, что жаждал увидеть или хотя бы ощутить присутствие своей возлюбленной после стольких лет горечи и печали. Он спешил к каменному строению с темной округлой крышей позади огромного шатра. Это сооружение было возведено на каком-то этапе мук от одиночества исключительно ради прихоти Контроса. В большом каменном ангаре располагался сад гигантских черных роз, созданных магом в приступах тоски и терзающих останки души воспоминаний о канувших временах.

Он вбежал в мрачное помещение и остановился, тяжело дыша. Только теперь Безликий понял, что отчетливо ощущает пустоту, о которой намекнул ему демон. Сейчас хозяин цирка осознанно и со всей глубиной разочарования прочувствовал, что былых сил и возможностей больше нет. Он стал обычным человеком. Обычным начинающим стареть человеком.

Решительно отбросив уныние, Контрос двинулся вглубь сада по проходам между высокими клумбами всевозможных форм. На улице за пределами гигантской теплицы уже давно наступило утро, потому черные лепестки, громоздящиеся высоко над его головой были свернуты в бутоны. Раскрывались они только при свете Пятна. Он добрался до центральной площадки, за которой увидел чье-то движение под большими шипами на толстых темных стеблях между овальной и прямоугольной клумбой. Округлый темный полупрозрачный экран, выполняющий функцию кровли, не позволял лучам Диска проникать в громадное помещение (а ночью преумножал плодотворное для цветов сияние Пятна). Полумрак, царивший в саду черных роз, позволил ему разглядеть лишь размытые очертания человеческой фигуры. Контрос, переполняемый возрождающимися чувствами и эмоциями, неуверенно молвил в полумрак:

– Элливиана?!

Глава 4

Диск прятался за клубящимися белыми облаками, которые медленно плыли по небу, иногда создавая прорехи, чтобы светило могло явить миру свои яркие золотые фрагменты. Просторы Серого Моря, упирающиеся в горизонт и сливающиеся где-то там с неизведанным Бескрайним Океаном, волновались не больше, чем в любой другой более или менее погожий день.

Все рыбаки, обычно выходящие на весельных лодках, уже вернулись на берег. Одни наложили достаточное для себя количество, другие были бы не прочь напудить еще, но не хотели больше болтаться в водах Серого Моря, спеша домой к семьям и домашним делам. Третьи просто считали, что поздним утром рыбы не выловишь столько, сколько ранним.

И только одинокая шлюпка Добреса Домба задержалась вдали от берега. Старый одинокий рыбак не торопился домой. Его ни кто не ждал, дел по хозяйству у него имелось не много, и в основном они все уже были давно переделаны. Домб всегда задерживался в море дольше всех. Соответственно, что бы там не говорили о том, что поздним утром рыбы меньше, она все-таки была, и улов был.

В Лессе, небольшом городишке на северном побережье Северного Материка, который, как и любой другой город королевства, непрерывно кипел работой, рыбный промысел являлся одним из основных видов деятельности местных жителей. Конкуренция была громадной, но, тем не менее, все, кто ловил и торговал рыбой, имели стабильный доход. Добрес Домб являлся одним из тех, кто вплотную был погружен в рыболовное ремесло.

Сегодня он уже наудил множество ершей и нескольких окуней. По определенным береговым признакам Добрес, как и многие другие рыбаки, хорошо знал расположение банок на дне. Этим ранним утром он ухитрился одним из первых в предрассветный час выплыть и занять одну из них вперед запоздавших конкурентов. Над банкой клев в основном всегда был гарантирован, ибо эти подводные возвышения, эдакие холмики, не доходящие вершиной до поверхности воды, рыба, как правило, считала естественным укрытием. Так же банки являлись для множества видов рыб своего рода столовой, где обитали различного вида мелкие организмы и скопления растительности, являющиеся лакомым кормом.

Домб решил до последнего задержаться в море, пока не закончилась фаза прилива, во время которой рыба обычно устремлялась ближе к берегу. Добрес находился на расстоянии в четверть мили от суши. В текущий период года заплывать дальше не имело смысла, да и рисковать лишний раз старый рыбак не любил. Удаляясь к северу в Серое Море, человек всякий раз незаметно для себя непременно приближался к неизведанным просторам Бескрайнего Океана. А уж в океанских водах могло случиться всякое...

В этот день и случилось нечто неординарное. Точнее, оно вот-вот должно было случиться. Первым признаком беды стал мало кем замеченный внезапный отлив воды от берега. Добрес одним из первых увидел надвигающуюся опасность. Сначала он попросту подумал, что ненастье мерещится ему из-за легкой дымки тумана – не редкого спутника Северного Материка. Часто происходило такое, что поглядев на город с воды, а затем, резко повернувшись к морю, можно было увидеть призрачные силуэты сложенные воображением из застрявших в голове мутных очертаний туманного покрывала береговых линий. Но через несколько мгновений пришло осознание того, что это не мираж. Огромная мутно-бронзовая волна безмолвно шла на побережье Лесса, норовя заслонить собой от рыбака облачный небосвод.

Домб засуетился в лодке, пытаясь сообразить, как лучше поступить. Грести к берегу было уже бесполезно, он не успеет добраться. Да и какой в этом был смысл? Когда такая волна дойдет до берега, она, скорее всего, причинит немало вреда береговым строениям и всем, кто будет в тот момент там находиться. Да к тому же она не могла быть одна. Рыбак был уверен, что следом шли еще волны, возможно чуть меньше первой, но они на сто процентов преследовали

свою предводительницу. Добресу было необходимо поднять якорь и попытаться перескочить волну, встретив ее носом лодки.

Вытащив из воды якорь, Домб принялся грести навстречу приближающейся стихии. Он подумал, что дальше от берега она будет более пологой. Но он не ожидал, что волна будет настолько большой, и что скорость ее движения будет столь быстрой. Через минуту к его суденышку приблизилась неприступная водяная стена, которая уже норовила загнуться и накрыть собой близлежащую береговую линию. Лодку подхватило и понесло к суше, а Добрес все судорожно продолжал двигать веслами, в надежде перескочить пенящийся гребень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.